

19 сентября. № 239.

с. 2.

По поводу стихотворения А. С. Пушкина „Отче наш“.

В последнее время во многих газетах замечательно и перечитывалось стихотворение А. С. Пушкина „Я слышал из казнь престол“, будто впервые найденное и выдвинутое в печать. Тут видно недоразумение или, правильнее, недосмотр. Переложение Молчан Господней подала уже давно по заграничным изданиям Пушкина. Г. С. Чернышев начал читать его в 1-й кн. „Русск. Архива“ 1881 г. и выказал предположение, что оно принадлежит Пушкину. Г. Ефремов ошибочно отнес стихотворение Федору Глинка. В новейших изданиях сочинений Пушкина его уже нет. В 1894 году на страницах „Русского Филологического Вестника“ (№ 4) и сделана попытка этого стихотворения и признать за то же самое, что „Молитва“ несомненно написана Пушкиным и принадлежит к числу поэмы на древних его произведениях. Настоящая записка сделана без всякого пристрастия на основании того, что автор не был ранее восстановлен, сделана лишь в интересах развития научной истинности нового литературного открытия.

Проф. Н. Сумароков.

Из потопов текущей литературы.

X.

Мы уже не раз слышали о новом рассказе Антона Чехова — „Человек из фюзеля“. Во всяком случае „Русский Интел“ замечательно передает рассказ того же автора, под названием „Крижаник“ и „Кубок“.

Рассказ этот, как и первый, имеет вид беседы между двумя людьми — Вуриным и Крижаником. Крижаник рассказывает о том, что он видел во время охоты, он рассказывает о том, что он видел во время охоты, он рассказывает о том, что он видел во время охоты.

Первый рассказ — „Крижаник“ — ведется от имени Ивана Ивановича. Герой рассказа является его брат Николай. Этот последний был спутником чужеземца из древней Индии, но, как думают, жалеет, что

время потратил на встречу с этим душой чужеземцем, приобрел себе кучку денег, где бы-то было бы прожит остаток дней своей жизни. Мечта эта мало-помалу росла и, из копейки копейки, превратилась в каприз-то шепот. Николай сделался до крайности скупым, дорожил каждой копейкой, откладывал по грошам в банк свои скупленные сокровища. И удивительно, — во всей этой истории не было ни одного приключения. Николай, живя втайне о деревне, рисовал себе разные картины будущей жизни, в которой раз в два года он бы-то изредка заходил в деревню. Деревенская жизнь имела свои удобства, — говорил он бывало. Сидеть на балконе, пить чай, а на дурной тон утюжить платья, наконец так хорошо и... и приходить в гости. И вот, — вот черт знает своего имени и какой раз у него вышло: а) барский дом, б) ливадия, в) ограда, д) прижизненный.

И вот что, наконец, исполнилось. — Он добился своей цели и теперь живет в такой доверчивости, лучше которого и желать не хочется. Его трудно представить в иной обстановке: казалось, что он не выдержит окружающего, но чувствовалось общее пульс жизни. Он полнил самолюбие Николая угощая других и сам угощаясь прижизненно.

И вот этот человек выдвигает рассказчика на мысль о гоголевском счастье вообще. Он выдвигает из своего брата Николая широкий подвешенный тип. „Я собирался рассказать Ивану Ивановичу: как в существе много довольных, счастливых людей! Какое это подвешенное счастье! Им не жалко на эту жизнь: нежность и преданность любимых, нежность и светотребие слабых, круглая бедность, невозможная, тоска, вырванное, плавание, ливадия, являясь... Между тем во время дождя и на улицах тишина, спокойствие; на пятидесяти тысяч живущих в городе ни одного, который бы вскрикнул, громко кому-нибудь. Мы видим тех, которые ходят на рынок за „рошотой“, днем ждать, чтобы спить, которые говорят свои чужие, жонглируют, стараясь, благодушно тащить на кладбище своих покойников; но

им не видать и не слышать тех, которые страдают, и те, что страшно в жизни, происходят „да-то за душой“. Все так спокойно, и протестуют одна только явля статистика; столько-то съела сома, столько-то жидет вышло, столько-то детей погибло от недостатка... И такой порядок, очевидно, нужен; очевидно, счастливый чувствует себя хорошо только потому, что нечаянно несут себе бремя жизни, и без этого подвешенное счастье было бы невозможно. Это общий гниль. Надо, чтобы за дверью каждого достояния, счастливого человека стояла кто-нибудь с лоточком в постоянно напоминал-бы стучать, что есть не счастье, что как-бы он не был счастлив, живя рано или поздно покажет ему свои когти, страсти бьются — бьются, бьются, бьются и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других. Но человек с лоточком жить, счастливый человек, и некая житейская забота возмущает его слегка, как втерли ему — и все обстоит благополучно!“

В таких словах выражена посылка в рассказе Антона Чехова. Нужно признать, что из этого рассказа вытекает талантливый писатель высказано много правды. Из ярко подвешенная жизнь, пульсирующая здесь и там, — покуда есть житейская забота возмущает его слегка, как втерли ему — и все обстоит благополучно!“

В таких словах выражена посылка в рассказе Антона Чехова. Нужно признать, что из этого рассказа вытекает талантливый писатель высказано много правды. Из ярко подвешенная жизнь, пульсирующая здесь и там, — покуда есть житейская забота возмущает его слегка, как втерли ему — и все обстоит благополучно!“

В таких словах выражена посылка в рассказе Антона Чехова. Нужно признать, что из этого рассказа вытекает талантливый писатель высказано много правды. Из ярко подвешенная жизнь, пульсирующая здесь и там, — покуда есть житейская забота возмущает его слегка, как втерли ему — и все обстоит благополучно!“

О втором рассказе г. Чехова — „Кубок“.

М. С.